

1

Наша жизнь принадлежит не только нам.
Дом, что является нашим эго, населен теми, кто был до нас.
Их следы выгравированы в наших душах.
Их истории и делают нас теми, кто мы есть.

ЮЛИЯ

ОН НАЗВАЛСЯ МОИМ ДЕДУШКОЙ, ПРОСИЛ ВЫСЛУ-шать и так настаивал, словно это был вопрос жизни и смерти. Насколько все это для меня важно, я поняла позже, когда он рассказал свою историю.

Но, увидев его впервые, я этого не знала. Красивый пожилой мужчина, иностранец, смотревший так, будто знал меня с моего младенчества. Это произошло в Милане, весной. В тот день меня вырвали из иллюзии, которую до тех пор я считала собственной жизнью.

Одежда, как известно, делает человека. И я создаю эту одежду. Я даю людям вторую кожу, меняю их облик. Прячу или, наоборот, открываю то, что они называют собственным «я». А потом наблюдаю за тем, как они выходят на свет, сама оставаясь в тени.

Ателье — вот царство, где творится мое волшебство. Здесь оживают картинки, плоский кусок материи обретает третье

измерение. Каждая ткань — индивидуальность и многое может рассказать о человеке, которого она облегает. Язык шелка отличен от языка шерсти. Образы льна и бархата не похожи друг на друга. Платья не мертвые формы, они живут. Меняют своих владельцев и меняются сами. Набрасывая эскиз очередного костюма, я вижу человека не таким, каким он может стать, а какой он есть.

Я мечтала заниматься этим с самого детства. Нет большего счастья, чем делать то, что любишь. Но одного таланта недостаточно. Мода — искусство, а значит, тяжкий труд. И то, что называют самореализацией, в действительности требует немалого самоотречения. Все имеет свою цену. Я, например, живу ради чужой красоты.

Мечта о собственном бренде в мире моды была в моем случае не более чем манией величия. Или же, что того хуже, — непростительной наивностью. Большинство моих соучеников по Лондонской академии моды работали наемными дизайнерами, если вообще были заняты в этой сфере. И они восхищались мной, не подозревая ни о кошмарных снах, от которых я просыпалась посреди ночи, ни о преследовавшем меня вечном страхе грандиозного провала.

Мне было уже тридцать шесть, а «великая цель», на достижение которой я потратила лучшие годы жизни, по-прежнему маячила несбыточной мечтой. Моя кочевая жизнь — с вечными скитаниями по выставочным центрам, с долгами и с неизбывным убеждением, что талант непременно пробьется туда, где его никто не ждет, — лишь со стороны выглядела гламурно.

Единственным человеком, безоговорочно в меня верившим, был мой компаньон Робин — третий калач в бизнесе. На восемь лет старше меня, Робин успел пережить громкое банкротство и не менее впечатляющее возрождение. У него было то, чего мне всегда не хватало, — состоятельные родители, оптимизм и неиссякаемое чувство юмора. Его вкладом в наше дело стал беспроцентный кредит — то, без чего в наше время едва ли возможно начать хоть что-нибудь жизнеспособное.

Итак, он взял на себя деловую сторону. А я отвечала за творческую. Фирма стала нашей семьей, платья — детьми. Мы были одинаково одержимы, и каждый напоминал другому, что тот не

один, — уже только за этим мы были нужны друг другу. Мы делили бессонные ночи, надежды, разочарования и мечту о большом прорыве. Все — кроме постели. Оба мы были достаточно умны, чтобы не рисковать делом ради любовной игры. Профессия была единственным, что придавало моей жизни хоть какую-то видимость стабильности. На людей я полагалась с куда меньшей уверенностью.

Наши дни и ночи в мюнхенском ателье были наполнены чем угодно, только не интимной близостью, подчинялись тщательно выверенному расписанию. В них не было места конкуренции. Только симбиоз — взаимовыгодное сожительство двух организмов. Лихорадочно стремясь к прорыву, мы никогда не задавались вопросом, что же он такое на самом деле. Прорыв маячил, манил недостижимой близостью. А действительность сводилась к череде успехов и неудач, сквозь которые мы, словно туннельные рабочие, прорубались к свету.

И вот час настал. Впервые мы на Неделе моды в Милане, в компании пятнадцати других молодых дизайнеров — перед публикой со всего мира. Победителю полагается приз, и это не денежная сумма, а спонсор на целый год. Итальянский холдинг с многочисленными предприятиями, громкими брендами и немислимими связями по всему свету. Наконец есть возможность получить достойное вознаграждение за труды последних лет.

Несколько недель подряд мы как одержимые занимались новой коллекцией. Попурри из стилей, красок, эпох, она должна была кардинально отличаться от того, что мы делали до сих пор. И эти несколько недель прошли в непрерывном творческом упоении, почти без сна. Цель — вот единственное, что стояло перед глазами. Сколько кофе было выпито за это время?..

Милан не Мюнхен и даже не Берлин. Здесь ярче софиты, круче ступеньки, глубже падение. И всегда — достойные соперники. В зале царила нескончаемая суматоха, похлеще чем на средневековой рыночной площади. Зато все улыбались.

Но все, что только можно, пошло не так. За несколько секунд до шоу я наносила последние штрихи — тут подвернуть штанину, там подправить шов, здесь чуть поменять макияж — и от волнения уколола иглой палец. Занавес — и на лицах моделей зажглись улыбки. Настал момент, когда ты вглядываешься в темноту, не чувствуя ничего, кроме стучащей в висках крови, когда дыхание замирает, играет музыка, шелкают камеры, заглушая стук сердца. Но ты не видишь реакции публики и, главное, — ничего больше не можешь сделать.

То, что готовилось втайне на протяжении последних месяцев, беззастенчиво выставлено на всеобщее обозрение. Теперь — либо триумф, либо поражение. Не имея возможности что-либо изменить, я ждала приговора.

Мы с Робинот только переглядывались. В полумраке белело его возбужденное лицо. Черный пуловер с высоким воротником сливался с черным фоном занавеса. Оба мы обратились в слух, но публика безмолвствовала. Когда вернулись первые модели, мы бросились переодевать их. У наших соперников моделей было больше, а нам пришлось экономить.

Второй сет был задуман как провокационный — с ироническими цитатами, оптическими иллюзиями и тому подобным. Зал затих, мы затаили дыхание. Первые аплодисменты несколько сняли напряжение, и мы с Робинот, взявшись за руки, ступили под слепящие лучи софитов. Как кроты, случайно выползшие на свет солнца.

Поначалу я не различала лиц. Ничего, кроме белой световой волны, накрывшей нас вместе с громом аплодисментов. Дышать сразу стало легче. Мы раскланивались, смущенно улыбаясь, как вдруг в глазах у меня потемнело, ноги стали ватными и я рухнула на сцену. Искра сознания угасла в бездонной, всепоглощающей тьме.

2

ПЕРВЫМ, ЧТО Я ПОЧУВСТВОВАЛА, ОЧНУВШИСЬ, БЫЛ прохладный ветерок, касавшийся лица. Наверное, окно открыто. Я лежала на полу в гримерной, под зеркалом, среди стульев, вешалок и ворохов одежды. Надо мной мелькали испуганные лица девушек, одна из них держала на весу мою ногу. Робина я не углядела. Молодой санитар, типичный итальянец, воткнул мне в руку шприц. И тут же на меня водопадом обрушились звуки — возбужденные голоса, музыка на заднем плане, рев мотоцикла за окном.

Санитар помог мне сесть на стул. Я посмотрела в зеркало — и тут впервые увидела его. Он стоял за моей спиной, пожилой мужчина в окружении юных моделей. Высокий, худощавый. Элегантный костюм, галстук и шляпа не соответствовали хаосу нашей гримерной. Никто явно не понимал, кто это, но он уверенно, будто хорошо меня знает, пробрался ко мне сквозь толпу. Я увидела его глаза — ясные, голубые и настороженные. Типичный немец. Все в гримерной, похоже, принимали его за представителя конкурирующего дома. Такое не редкость на подобных показах: незнакомые мужчины и женщины проникают за кулисы, в святая святых, и никто не решается спросить, кто они такие, из опасения нарваться на важную особу из мира моды.

— Как вы себя чувствуете?

Для незнакомца его голос звучал слишком уж участливо.

— Все в порядке.

Мужчина протянул стакан с водой. Отпив, я пригладила растрепанные волосы и с наслаждением вдохнула свежий воздух, проникавший из открытого окна.